

Николай Банников

Жизнь и поэзия Бальмонта

I

К востоку от Парижа, на реке Марне, расположен Нуази-ле-Гран, городок, каких вокруг французской столицы множество. Здесь, на местном католическом кладбище, высится крест из серого камня, на котором по-французски написано: "Константин Бальмонт, русский поэт", а затем обозначены годы рождения и смерти.

Его хоронили хмурым декабрьским днем 1942 года. Из Парижа на похороны приехали всего несколько человек - старый русский писатель-эмигрант Борис Зайцев с женой, вдова русско-литовского поэта Юргиса Балтрушайтиса, двое-трое знакомых да дочь Мирра.

Стояла глухая, тяжелая, жестокая пора. Париж, как и вся Франция, томился под пятой оккупантов - немецких фашистов. Для тысяч и тысяч парижан время как бы остановилось. Все старались укрыться, стать незаметными, не попадаться на глаза. Зарницы великой битвы и победы у Сталинграда до Франции еще не долетали. Больной, вконец лишившийся психического равновесия, часто без единого франка в кармане, Константин Бальмонт доживал свои дни то в доме призрения для русских, содержимом Кузьминой-Караваевой - матерью Марией, впоследствии герически погибшей в немецком концентрационном лагере, то в дешевой меблированной квартирке в Нуази-ле-Гран. В часы просветления, когда болезнь отступала, Бальмонт с ощущением счастья открывал том "Войны и мира" или перечитывал свои старые книги - писать он уже давно не мог.

Кончина поэта прошла незамеченной. Не такое было время, чтобы вспоминать и рассказывать о том, что этот умерший в крайней нищете и забвении человек когда-то являлся кумиром читающей России, что он собирал на свои концерты и вечера целые толпы взволнованных и восторженных слушателей, что его певучие строфы твердили и повторяли многочисленные поклонники и молодые поэты по всей стране, а в 1913 году, на Брестском вокзале в Москве, в мае, когда он возвратился после вынужденного семилетнего пребывания за границей на родину, ему была устроена торжественная общественная встреча. Жандармы тогда запретили Бальмонту обратиться к встречавшей его публике с речью, и он разбрасывал в толпу свежие ландыши.

Очень интересно и поучительно взглянуть в жизненный путь Константина Дмитриевича Бальмонта. Бревенчатая усадьба его отца - небогатого дворянина. Сын морского офицера, он пятьдесят лет служил в Шуйском земстве и ушел в отставку только в 1906 году. В памяти поэта он оставался тихим и добрым человеком, страстно любившим природу и охоту. Мать поэта, Вера Николаевна, происходила из семьи генерала. Деятельная, образованная, она была известна в Шуге, что лечила крестьян, участвовала в любительских спектаклях и концертах, печаталась в местной газете. Она ввела Бальмонта "в мир музыки, словесности, истории, языкознания". Она научила его "постигать красоту женской души", познакомила со стихами русских поэтов. "Первые поэты, которых я читал,- сообщал Бальмонт,- были народные песни, Никитин, Кольцов, Некрасов и Пушкин. Из всех стихов в мире я больше всего люблю "Горные вершины" Лермонтова (не Гете, Лермонтова)".

Всю жизнь Бальмонт с глубокой любовью вспоминал Гумнищи и родной край. "Я вырос в саду, среди цветов, деревьев и бабочек,- писал он в 1907 году.- В наших местах есть леса и болота,

есть красивые реки и озера, растут по бочагам камыши и болотные лилии, сладостная дышит медуница, ночные фиалки колдуют, дрема, васильки, незабудки, лютики, смешная заячья капуста, трогательный подорожник - и сколько - и сколько еще!"

Дворянский мальчик стал учиться в гимназии в Шуге. За принадлежность к тайному кружку, в который входили гимназисты, заезжие студенты, учителя и который печатал и распространял в Шуге прокламации исполнительного комитета партии "Народная воля", Бальмонт из гимназии был исключен. Мать устроила его в другую гимназию, в губернском городе Владимире. С грехом пополам Бальмонт закончил там курс, по его словам, "прожив, как в тюрьме, полтора года".

С осени 1886 года Бальмонт - студент юридического факультета Московского университета. Но университета он не закончил: на следующий год, осенью, в университете началось бурное движение, студенты протестовали против введения реакционного университетского устава, и Бальмонт, как лицо замешанное в беспорядках, был арестован, посажен на несколько суток в Бутырскую тюрьму, а затем без суда выслан в Шугу. Бальмонт нервно устал и не мог больше заниматься ни в университете, куда он через год вновь был зачислен, ни в Демидовском лицее юридических наук в Ярославле, в который он было поступил. В сентябре 1890 года его отчисляют из лицея, и больше он никогда уже не носил звания студента.

Бальмонт, по его словам, "в юности больше всего увлекался общественными вопросами". До конца своей жизни он в душе считал себя революционером, бунтарем и писал, что "мысль о воплощении человеческого счастья на земле" была всегда ему дорога. Ненавидя царившую в гимназии казенщину, он подростком и даже студентом порывался стать пропагандистом, уйти в народ. Поэзия в его интересах возобладала позже, хотя стихи Бальмонт начал складывать в детстве.

"Я начал писать стихи в возрасте десяти лет. В яркий солнечный день они возникли, сразу два стихотворения, одно о зиме, другое о лете",- рассказывал Бальмонт. Однако мать своими замечаниями порой охлаждала пыл стихотворца. Однажды, уже во Владимире, тетрадь стихов гимназиста Бальмонта знакомые передали гостившему там знаменитому писателю В. Г. Короленко, и тот вскоре прислал гимназисту благожелательный и мудрый наставнический отзыв. "Если вы сумеете сосредоточиться и работать, мы услышим от вас со временем нечто незаурядное" - так заканчивал свое письмо В. Г. Короленко.

Все в том же 1890 году в Ярославле выходит первая книга стихов Бальмонта. Книжка была подражательной и бледной, она вызвала лишь насмешки товарищей-студентов и близких Бальмонту людей. Как когда-то юный Некрасов, Бальмонт скупал и уничтожал ее тираж. Он оказался теперь в трудном положении, на жизненном распутье. Женитьба на истеричной и взбалмошной дочери шуйского фабриканта, в которую Бальмонт влюбился, рассорила его с матерью и лишила каких-либо денежных средств из родительского дома. Брак не оправдал себя ни с какой стороны. Жена мучала его своею ревностью, приучала к вину. Он уже не знал, что ждет его в будущем. В марте 1890 года душевно истерзанный Бальмонт, прочитав толстовскую "Крейцерову сонату", решает на самоубийство. Из окна одного из московских домов, где сдавались номера и где он тогда жил, Бальмонт выбросился с третьего этажа на мощный булыжником двор. Он не разбился насмерть, но год пролежал прикованный к постели. Переломы вызвали легкое прихрамывание, которое осталось навсегда. Этот отчаянный поступок перевернул в жизни Бальмонта многое и на многое как бы раскрыл глаза. Он расстаётся с женой. И самое главное - он осознает с этих пор себя поэтом, предвидит свой будущий путь. Он понимает теперь, что его недоверие к жизни и отказ от нее был его нравственным заблуждением. "Воскресший" - так назвал он стихотворение об этой трагической странице своей биографии.

Нужда не отступала от Бальмонта, но он стойко ее переносит. Он рассказывал, что месяцами "не знал, что такое быть сытым, и подходил к булочным, чтобы через стекло полюбоваться на калачи и хлебы". Бальмонта вызволили из нужды московские профессора, в частности историк западной литературы Н. И. Стороженко, уговоривший известного издателя К. Т. Солдатенкова поручить Бальмонту перевод солидных книг по истории скандинавской и итальянской литературы. На этот заработок Бальмонт живет целых три года. Он не оставляет работы над стихами, начинает переводить с английского произведения Шелли и Эдгара По, впервые помещает свои стихотворения в прессе, выступает с публичными лекциями. Рождается крупный и оригинальный поэт, самобытная личность. В 1884 году выходит сборник стихотворений Бальмонта "Под северным небом", с которого и надо начинать летопись его поэтического творчества. Работоспособность поэта уже с молодых лет была феноменальна. Он с огромным увлечением изучает литературу и историю России, Запада и Востока, осваивает, один за другим, многие языки, упиваясь работой, как одержимый. Он прочитывал целые библиотеки книг, начиная с трактатов о любимой им испанской живописи и кончая исследованиями по китайскому языку и санскриту. Обожал книги по естественным наукам, по народному творчеству. Уже в зрелые годы Бальмонт написал очерк, озаглавленный "К молодым поэтам", в котором, несомненно, отразился его литературный опыт, приобретенный в пору создания первых книг. Поэту, писал Бальмонт в этом очерке, нужно уметь "скрутить себя". "Уметь в весенний свой день сидеть над философской книгой, и английским словарем, и испанской грамматикой, когда так хочется кататься на лодке и, может быть, можно с кем-то целоваться. Уметь прочесть и 100, и 300, и 3 000 книг, среди которых много-много скучных. Полюбить не только радость, но и боль. Молча лелеять в себе не только счастье, но и вонзающуюся в сердце тоску".

Чрезвычайно чуткий и нервный, любознательный, добродушный, увлекающийся, легкий на подъем, склонный к аффектации и самолюбованию, он нес в душе нечто очень непосредственное, нежное, детское. "Я все еще чувствую себя пламенным гимназистом, застенчивым и дерзким", - признавался он, когда ему было под тридцать. Литератор П. П. Перцов, знавший молодого Бальмонта, писал, что трудно было встретить такого "приятного, предупредительно-приветливого человека", как Бальмонт. Валерий Брюсов, познакомившийся в ту же пору с Бальмонтом, отмечал в нем "исступленную любовь к Поэзии" и "тонкое чутье к красоте стиха". "Вечера и ночи, проведенные мною с Бальмонтом, - писал Брюсов в 1912 году, - когда мы без конца читали друг другу свои стихи и читали друг другу стихи своих любимых поэтов: он мне - Шелли и Эдгара По, я ему - Верлена, Тютчева (которого он тогда не знал), Каролину Павлову, - эти вечера и ночи, когда мы говорили с ним *de omni re scibili* {Обо всем, что только можно знать (лат.)}, - останутся навсегда в числе самых значительных событий моей жизни. Я был одним до встречи с Бальмонтом и стал другим после знакомства с ним".

II

Все начальные поэтические книги Бальмонта - до "Горящих зданий" - созданы хронологически в девятнадцатом столетии. Да и сам Бальмонт - воспитанием, усвоенными им культурными традициями - дитя девятнадцатого века. И тем не менее он вошел в историю литературы как один из зачинателей нового течения, сила и влияние которого утвердилось уже в начале двадцатого столетия.

Здесь надо сказать несколько поясняющих слов. В девяностых годах, на исходе прошлого века, русская поэзия, вследствие многих причин, как бы сникла и выцвела, точно пораженная какой-то болезнью. В ней тогда действовали лишенные глубины и яркости эпигоны гражданской

некрасовской школы; пользовался популярностью тоскливый и многословный Надсон, печатались - наряду с одаренными Фофановым или Случевским - весьма бледные и почти исчезнувшие потом из народной памяти Ратгауз, Андреевский, Фруг, Коринфский, Федоров, Голенищев-Кутузов. Была эпоха реакции, общественного застоя, торжества обывательщины - смутное, тревожное безвременье. Никто в поэзии и не пытался по-новому взглянуть на мир, внести в словесное искусство свежие краски. Большие таланты в поэзии будто вымерли навсегда. И вот тогда, в середине девяностых, явились люди, дерзко отрицавшие и надсоновщину и весь пласт усталой, тусклой поэзии, заполнявшей журналы и книги. Они провозглашали небывалые, неслыханно звучащие принципы. Кое-что они заимствовали из французской поэзии, но довольно быстро пустили корни в русской культуре. Первоначально этих людей называли декадентами, то есть выразителями упадка, потом появилось слово "символизм". Весь видимый мир, всю действительность символисты объявляли "обманчивой картиной, созданной нами". Они отрицали возможность познания действительности и превыше всего ставили мечту, интуицию, субъективную волю. Они старались строить стихотворение или поэму так, чтобы в самом замысле и во всех словесных образах просвечивал некий символ, уводящий в запредельный, потусторонний, высший мир и соединяющий нас с этим миром. При такой задаче, писал примыкавший к символистам поэт Иннокентий Анненский, нужен "беглый язык намеков, недосказов, символов, тут нельзя ни понять всего, о чем догадываешься, ни объяснить всего, что прозреваешь или что болезненно в себе ощущаешь, но для чего в языке не найдешь и слова". Поэты-символисты, утверждал Бальмонт, "овеяны дуновениями, идущими из области запредельного", они "пересоздавая вещественность сложной своей впечатлительностью, властвуют над миром и проникают в его мистерии". "Создания искусства,- вторит ему Брюсов,- это приотворенные двери в Вечность". Поэзия, искусство считались независимыми от общественной жизни, поэт - избранной, непостижимой натурой, свободной от привычных установлений. Он - демиург, творец своего мира. "Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я - поэт",- провозглашал Федор Сологуб.

В девяностых годах появляются стихотворные книжки и трактаты ранних символистов - Мережковского и Минского, Коневского и Гиппиус, Александра Добролюбова и Валерия Брюсова {Александр Блок, Вячеслав Иванов, Андрей Белый выступили несколько позднее, составив "вторую волну" символистов.}. В русле символизма оказался и молодой Константин Бальмонт. Он был первым из символистов, достигнувшем всероссийской славы, широкой популярности. Нельзя сказать, что Бальмонт сразу выступил как символист чистой воды. Его ранние сборники стихов - "Под северным небом", "В безбрежности", "Тишину" - литературоведы сближают не с символизмом, а скорее с тем течением в искусстве, которое ставило первейшей своей целью передачу мимолетных, зыбких впечатлений - с импрессионизмом. Но было немало в них и декадентско-символистских признаков. Правда, здесь мы еще не видим непрменной двусмысленности, раздвоенности образа, не видим налета изощренно-религиозной мистики, характерных для символистов. Но это были сугубо романтические стихи, как бы противопоставляющие небо и землю, зовущие в далекое, нездешнее. В сонете "Лунный свет" - с типичными декадентско-символистскими мотивами - поэт говорит о своем желании уйти от людей, отрешиться от их невзгод и горестей, а рядом, в стихах "Уходит светлый май...", звучат, в духе подражателей Плещееву или Надсону, поздненароднические строки: "Хочу я усладить хоть чье-нибудь страданье, Хочу я утереть хотя одну слезу!" Такое противоречие вытекает из переходного характера бальмонтовской книги, хотя от подобных противоречий Бальмонт не был свободен всю свою жизнь. В ранних стихах Бальмонта господствуют настроения печали, какой-то сиротливости, бездомности. Это наследие "отцов", отзвуки дум больного, усталого поколения интеллигенции: печалью была окрашена почти вся тогдашняя поэзия. Сам Бальмонт писал, что его творчество началось - "с печали, угнетенности и сумерек", "под северным небом".

На рубеже двадцатого столетия тон поэзии Бальмонта резко изменяется. Нет ни следа безнадежности и уныния в его новых стихах. Они исполнены исступленной радости, напора буйных сил. Сборники "Горящие здания" (1900) и "Будем как Солнце" (1902) вместе с книгой "Только любовь" (1903) считаются наиболее характерными и лучшими в литературном наследии Бальмонта. Они были созданы на творческом взлете поэта, в пору расцвета его таланта. Образ "горящих зданий" - это знак носившейся в воздухе тревоги, знак порыва, движения. Какие-то предчувствия будущих грозных событий и битв выразил Бальмонт в стихотворении "Крик часового". Настроения тоски преодолены. Бальмонт в этих новых книгах упивается жизнью, стремясь ухватить и выразить ее во всем многообразии, испытывая "жажду безгранного, безбрежного". Он возлюбил теперь решительность и энергию, подчеркнутую, броскую красочность, "кинжальные слова". "Я хочу горящих зданий. Я хочу кричащих бурь", - пишет Бальмонт. Он воспеваает стихи природы - Океан и Солнце, Огонь и Ветер. Ставя в эпиграф сборника "Будем как Солнце" строку древнегреческого философа Анаксагора, он развертывает ее в целое стихотворение, которое крепко запомнили читатели:

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И выси гор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин.

Как проявление космических сил, родственных солнцу, неудержимо влечет к себе поэта огонь. В "Гимне Огню" Бальмонт хочет исчислить все лики, все превращения огня в мироздании - от пламени церковной свечи "с его голубым основанием" до света горящих зданий и молнии в грозу. Огонь ему представляется то лепестками страшного цветка, то вставшими дыбом блестящими волосами; он "проворный, веселый и страстный" и в то же время очистительный, роковой. Такого "огнепоклонника", как Бальмонт, в русской поэзии, пожалуй, не найти.

Если знакомиться с книгами Бальмонта, начиная с "Тишины", в их полном составе, то нельзя не заметить поразительное множество масок, под которыми выступает перед нами автор. Поездка по странам Европы, куда он впервые отправился в сентябре 1896 года, после женитьбы на Е. А. Андреевой, переводчице, родственнице известных московских издателей Сабашниковых, а потом плавания в океанах дали ему приток живых впечатлений, отзывавшихся в поэтическом творчестве. Может быть, потому-то мы встречаем у Бальмонта столько "испанских" стихотворений - и о великих живописцах, и о толедских клинках, и о самом городе Толедо - столько "индийских", "мексиканских", "океанийских". Чаще всего это не просто описание впечатлений и не эпические опыты, а стремление вжиться в дух чужой или ушедшей в прошлое цивилизации, чужой страны, отождествить себя то с послушником Браммы, то с каким-нибудь жрецом из страны ацтеков. "Со всеми я сливаюсь каждый миг", - декларирует поэт. Такая всеядность, такая претензия на универсальность - при постоянных путешествиях поэта - была его неизменной чертой и говорила об отсутствии единого творческого стержня в душе, отсутствии цельности, которым страдали многие и многие символисты. И естественно, Бальмонт не мог избежать неудач и провалов на этом пути, однако некоторые его "чужестранные" стихи надо признать превосходными. Среди них назовем небольшой цикл стихотворений о Египте "Потухшие вулканы", "Воспоминание о вечере в Амстердаме", отмеченное М. Горьким, четыре великолепных строки об островах на Тихом океане, с заголовком "Тишь", и в особенности "Исландию". Это последнее стихотворение высоко ценил Брюсов, удивляясь тому, что Бальмонт, вопреки своему обычаю, написал его, не посетив Исландии.

Бальмонт поклонялся мигу, мгновению, полагая, что мгновение всегда единственно, неповторимо, что мгновение открывает истину, дает возможность увидеть далекую даль. Сам поэт как бы вписан в это мгновение: оно пройдет, и в следующий миг он ощущает себя уже другим и по-другому. В стихах он говорил:

Я не знаю мудрости, годной для других,
Только мимолетности я влагаю в стих.
В каждой мимолетности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.

"Поэт - стихия,- заявлял он в одном очерке, отстаивая свое право на постоянное перевоплощение и бесконечную изменчивость.- Ему любо принимать разнообразнейшие лики, и в каждом лике он самотождественен. Он льнет любовно ко всему, и все входит в его душу, как солнце, влага и воздух входят в растение... Поэт открыт миру..." Жена Бальмонта Е. А. Андреева писала о поэте: "Он жил мгновеньем и довольствовался им, не смущаясь пестрой сменой мигов, лишь бы только полнее и красивее выразить их. Он то воспевал Зло, то Добро, то склонялся к язычеству, то преклонялся перед христианством".

Поэту ведомы и равно близки высокое и низменное, красивое и безобразное. Такое раздвоение, такая контрастность были как бы законом у художников-декадентов. "Мир должен быть оправдан весь",- пишет Бальмонт. Неудивительно, что Бальмонт создает сонет, посвященный скорпиону, любясь его гордостью и упорным желанием свободы, а в другом сонете он благословляет искалеченных людей, и "кривые кактусы", и "змей и ящериц отверженные роды".

Когда Бальмонт появился на литературной арене, больше всего поразила читателей, пожалуй, музыкальность его стихов. Уж очень сильно они отличались от анемичной журнальной поэзии конца прошлого века! В них была давно не слыханная в русской поэзии звонкость, певучесть, было богатство свежих рифм - в том числе и внутренних,- была щедрая звукопись. Бальмонт как бы заново показывал читателю красоту и самоценность слова, раскрывал, по выражению Ин. Анненского, его музыкальную потенцию. Бальмонт как бы шел навстречу девизу, провозглашенному во Франции поэтом Верленом: "Музыка - прежде всего". Он очаровывал читателя вкрадчивыми и плавными - возвратными повторами, в которых лилась мелодия:

Я мечтою ловил уходящие тени.
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

Он умел порой так повторить отдельно взятое слово, что в нем пробуждалась завораживающая сила. Желая передать насыщенный зноем мир конквистадора-испанца (стихотворение "Как испанец"), Бальмонт заключает стихотворение по-своему смелыми и убедительными строками:

Но и в час переддремотный, между скал родимых вновь,
Я увижу солнце, солнце, солнце - красное, как кровь.

У Бальмонта редкостное обилие аллитераций. В "Камышах", например, инструментовка на глуховатое "ш": "Чуть слышно, бесшумно шуршат камыши": в стихотворении "Влага" - "С лодки скользнуло весло" - во всех сочетаниях "ла", "ле", "ло", "ли", "лы" поэт рисует звуками плеск и течение воды, и здесь не встретишь резкое "р" или "ж", разрушающее картину. Бальмонт разработал многообразный, легкий и вместе красочный эпитет, ввел в широкое употребление такие существительные, как "светы", "сумраки", "дымы", "бездонности", "мимолетности". Эпитеты он иногда как бы сращивает, удваивает и утраивает: "радостно-расширенные реки", "их каждый

взгляд рассчитанно-правдив", "деревья так сумрачно-странно-безмолвны" {Такие эпитеты встречались еще у Жуковского, Пушкина, и особенно у Гнедича в его переводе "Илиады" Гомера.}.

Валерий Брюсов, на первых порах подпавший под обаяние Бальмонта, писал, что всех любителей поэзии Бальмонт влюбил "в свой звонко-певучий стих", что "равных Бальмонту в искусстве стиха в русской литературе не было". В дальнейшем оценки Брюсова были гораздо сдержанней, а сам Бальмонт горделиво заявлял в 1907 году: "Имею спокойную убежденность, что до меня, в целом, не умели в России писать звучных стихов".

Я - изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты - предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Необходимо отметить, что в словесно-музыкальных созвучьях Бальмонта, в его гипнотизирующих ритмах крылось одно, скорее негативное, свойство: в них хорошо передавалась атмосфера, настроение, но страдал рисунок, пластика образов, туманились и расплывались очертания изображаемого предмета. Иннокентий Анненский сформулировал это масштабно: "Поэзия Бальмонта чужда развитых, картинно-обобщающих сравнений Гомера и Пушкина". Новизна поэтических средств, которой гордился Бальмонт, была, конечно, относительной. "Стих Бальмонта,- справедливо писал Брюсов в 1912 году,- это стих нашего прошлого, усовершенствованный, утонченный, но, по существу, все тот же; "другие поэты" не только "предтечи" Бальмонта в искусстве стиха, но несомненно его учителя". Структура стиха у Бальмонта осталась традиционной, и уже в лучшие, коронные его книги проникли риторика, наигранность, ложные красоты, навязчивое бряцание рифмами - все то, что было потом названо "бальмонтовщиной".

III

"Я - облачко, я - ветерка дыханье" - такие слова о себе произнес Бальмонт в начальной своей книге "Под северным небом". Поэт всю жизнь стремился быть верным этой ранней автохарактеристике. Он твердил в стихах о том, что он волен в своих душевных движениях, как волен и в жизни, что он переменчив, как ветер, и неразделим с вечными стихиями. "Я - внезапный излом, Я - играющий гром, Я - прозрачный ручей, Я - для всех и ничей". Альбатрос - "над пустыней ночью морей" - олицетворение безграничной свободы поэта.

О, блаженство быть сильным, и гордым, и вечно свободным!
Одиночество! Мир тебе! Море, покой, тишина!

А в минуту покорности и смирения - в частном письме - он опровергает себя: "Какой я альбатрос! Я инструмент, по струнам которого проносится ветер..." Душа поэта - кладезь видений и чувств. "Как неожиданна собственная душа! Стоит заглянуть в нее, чтобы увидеть новые дали",- утверждает он. Был в нем некий демонизм, было демонстративное подчинение стихии страстей. "Я молюсь страсти, и верю, что это Божий свет и Божий огонь",- писал он в 1916 году, прибегая, по обыкновению, к заглавным буквам. Поэт - "полубог вдохновенный", "гений певучей мечты". Так осознавал себя Бальмонт, истый индивидуалист, эгоцентрик, как и большинство символистов, лишенных устойчивых социальных связей. Он был стихией во всем, стихией и в творчестве. Прочитайте его миниатюру "Как я пишу стихи". "Но я не размышляю над стихом и, право, никогда не сочиняю",- признается он там, сообщая, что строки рождаются у него внезапно, приходя одна за другой. Раз написанное он никогда больше не правил, не редактировал, считая, что первый порыв - самый верный. Писал он беспрерывно, писал очень много. Е. А. Андреева рассказывала, как, увидя

из окна квартиры едущий по улице воз сена, Бальмонт тут же создал стихотворение "В столице", как внезапно породил у него законченные строфы звук дождевых капель, падающих с крыши. Всегда будило его воображение, уводя куда-то в детство, летнее жужжание мухи или пчелы.

Слава Бальмонта была шумной. Ему даже Чехов присылал письма, признаваясь, что он каждую новую книжку поэта читает с удовольствием и волнением. "О Бальмонте писали сотни исследований, его книги ежегодно переиздавались, на его лекции нельзя было достать билета,- рассказывает И. Эренбург.- Стоило поэту показаться в театре или на улице, как его окружали неистовые поклонницы".

Бальмонт появлялся на эстраде бледный, зеленоглазый, гордо закинув свою голову с рыжими волосами, локонами спадавшими на плечи, с цветком орхидеи в петлице фрака.

Я буду ждать тебя мучительно,
Я буду ждать тебя всегда,
Ты манишь сладко-исключительно,
Ты обещаешь навсегда,-

бросал Бальмонт в аудиторию, и она была заморожена и вместе с тем чуть шокирована такими строфами.

Илья Эренбург описывал в воспоминаниях, как читал свои стихи Бальмонт - голосом "вдохновенным и высокомерным". "Он читал, как шаман, знающий, что его слова имеют силу если не над злым духом, то над бедными кочевниками. Он говорил на многих языках, на всех с акцентом - не с русским, а с бальмонтовским, особенно своеобразно он произносил звук "н" - не то по-французски, не то по-польски. В стихах было много рифм с длинными "н" - "священный", "вдохновенный", "презренный",- и он их тянул с явным удовольствием".

Конечно, в манерах и поведении Бальмонта была и наигранность, поза баловня славы и успеха, но чаще проявлялась просто натура поэта. Такие чуткие люди, как Марина Цветаева или Максимилиан Волошин, утверждали, что Бальмонта нельзя было с кем-либо сравнивать или к кому-либо приравнять. Он был непохож на первого встречного, на обычного человека в толпе; на него оглядывались даже на красочных и оживленных улицах Парижа. "Он походил на тропическую птицу, случайно залетевшую не на ту широту",- говорил Эренбург. Порой Бальмонт эпатировал публику, возбуждая шумные толки и как бы служа примером для футуристов. Известны курьезные случаи, когда Бальмонт ложился в Париже посреди мостовой, чтобы его переехал фиакр, или когда лунной ночью, в пальто и шляпе, с тростью в руках, входил, замороженный луной, по горло в пруд - все стремясь испытать неведомые ощущения и описать их в стихах. При всем своем показном высокомерии, тщеславии, фантастической влюбчивости, что вызывало у иных мемуаристов явную неприязнь к поэту, он отличался удивительной детскостью, был общителен и по-настоящему добр. Встречавшаяся с Бальмонтом в самые трудные времена и в России и за границей Марина Цветаева свидетельствует, что Бальмонт мог отдать нуждающемуся свою "последнюю трубку, последнюю корку, последнее полено". Когда-то автору этих строк рассказывал советский переводчик Марк Талов, оказавшийся в двадцатых годах в Париже совершенно без средств и без связей, как, уходя из квартиры Бальмонта, куда он робко являлся с визитом - как он нередко находил в кармане пальто деньги, тайком вложенные туда поэтом, который в ту пору и сам жил далеко не роскошно.

Из прозаиков Бальмонт особенно любил Аксакова, Толстого, Куприна, Бальзака ("О, Бальзак - буря, циклон, разлив, морской гул, песня"). В поздние годы был пленен личностью и искусством композитора Сергея Прокофьева, с которым встречался во Франции.

IV

"В течение десятилетия Бальмонт нераздельно царил над русской поэзией. Другие поэты или покорно следовали за ним, или, с большими усилиями, отстаивали свою самостоятельность от его подавляющего влияния". Так писал в 1906 году Валерий Брюсов, довольно точно определив хронологические рамки апогея поэта датами - 1895-1905. После книги "Только любовь" Бальмонт начинает повторять себя, неудачи идут у него одна за другой, а удачи становятся редкими. Многие его поэтические приемы, вначале являвшиеся новшеством, повторялись и как бы набили оскомину. Блок возмущался тем, что аллитерация у Бальмонта вульгаризировалась; в бальмонтовских книгах все явственнее обозначалась бедность поэтического языка, обилие отвлеченностей, порой сухость. Привычные бальмонтовские ритмы, упоенье звуком теснили смысл стиха. Оскудение таланта сказывалось и в однообразии и узости тематики. В отличие от Брюсова, Блока, Андрея Белого Бальмонт работал в уже привычном для него, освоенном круге мотивов, мыслей и образов. С каким миропониманием Бальмонт начал писать, с таким он и остался поныне, отмечал в одной из своих статей Брюсов, полагая, что в 1911-1912 годах творческий путь Бальмонта как бы уже завершился. Жизнь, однако, показала, что дарование Бальмонта было далеко не исчерпано: стоит назвать лишь книгу "Ясень" и "Сонеты солнца, меда и луны", созданные поэтом еще до революции.

Из русских писателей, современников Бальмонта, наверное, только Бунин может в какой-то мере соперничать с ним в размахе и масштабности путешествий. Бальмонт не бывал разве что в глубинах африканского материка или на Гималаях. Начало его путешествиям положила поездка в 1892 году в Скандинавию. В 1896 году вместе с Е. А. Андреевой он уезжает во Францию, знакомится со многими странами Западной Европы. Еще в 1897 году, из Парижа, он был приглашен в Англию, в Оксфордский университет, где читал лекции о русской поэзии. А в январе 1912 года, отчалив из Лондона на английском корабле, он пересек океан и совершил кругосветное плавание, посетил Полинезию и Цейлон, Новую Зеландию и Мадагаскар, Австралию и Индию. За несколько лет до того поэт побывал в США и Мексике; любил жить во Франции и Испании. Но вот, возвратясь из грандиозного плавания 1912 года, он пишет в Россию, профессору Ф. Д. Батюшкову: "Я видел моря и океаны... и снова, сидя у окна в моем парижском домике, среди своих книг и цветов, я говорю: "Я рад, что я родился русским, и никем иным быть бы я не хотел. Люблю Россию. Ничего для меня нет прекраснее и священнее ее. Верю в нее - и жду". "Сердце здесь сжимается", "много слез в нашей красоте",- пишет он в 1915 году, попав после дальних странствий на Оку, в русские луга и поля, где "рожь в человеческий рост и выше". "Я люблю Россию и русских,- заявляет он в одной тогдашней статье.- О, мы, русские, не ценим себя! Мы не знаем, как мы снисходительны, терпеливы и деликатны. Я верю в Россию, я верю в самое светлое ее будущее". "Русские" стихи Бальмонта особой щемящей нотой входят в многоголосье его книг. Тут и весенняя "Зарождающаяся жизнь", и "Ковыль", и "Скифы", и историческое сказанье "В глухие дни". Стихотворение "Безглагольность" долгое время было поистине знаменитым:

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

В марте 1901 года в Петербурге, на площади у Казанского собора, произошло событие, отразившееся на всей биографии Бальмонта. Огромная студенческая демонстрация, требовавшая отмены указа о сдаче студентов, замешанных в "беспорядках", в солдаты, была разогнана полицией и казаками, несколько демонстрантов было убито. Среди участников демонстрации находились писатели, в частности М. Горький, подписавший вместе с другими литераторами письмо протеста против бесчинств полиции. Был на демонстрации и Бальмонт. Через десять дней, 14 марта, он

выступил на литературном вечере в зале Городской думы и прочитал стихотворение "Маленький султан", избобличающее, в завуалированной форме, и режим террора в России, и самого царя Николая Второго.

То было в Турции, где совесть - вещь пустая,
Там царствует кулак, нагайка, ятаган,
Два-три нуля, четыре негодяя
И глупый маленький султан.

Стихотворение сразу стали переписывать, передавать из рук в руки. В мае того же года его предполагал напечатать в газете "Искра" В. И. Ленин. Бальмонту пришлось ответить за свою дерзкую сатиру. По постановлению "особого совещания" поэт был выслан из Петербурга с запрещением жить в столицах и университетских городах сроком на три года. Проведя несколько месяцев у друзей в курском имении Сабынине, Бальмонт уехал за границу.

Эпизод с "Маленьким султаном" дает нам возможность понять позицию поэта в революционном 1905 году. Бальмонт снова на родине, воодушевлен бурными событиями, пишет стихи, прославляющие рабочих, сотрудничает в большевистской газете "Новая жизнь". В декабре, в дни московского восстания, он на улице, носит в кармане заряженный револьвер, пытается произносить речи перед студентами, чувствуя себя на стороне восставших. Бальмонт осознает, что после расстрела рабочих 9 января началась новая эра в истории России. Увлеченность революцией у него была искренней, хотя, как показало будущее, и не глубокой. Боясь ареста и расправы, поэт в ночь на 1906 год спешно уезжает в Париж. Там он выпустил два антиправительственных сборника - "Стихотворения" и "Песни мстителя". Не жалуя всю романовскую династию, он особенно напал на Николая II, называя его царем-висельником, трусом и убожеством. "Кто начал царствовать - Ходынккой, то кончит - встав на эшафот",- писал он про царя. Естественно, что Бальмонт оказался на положении политического изгнанника и возвратился в Россию лишь в 1913 году, благодаря заступничеству влиятельных, причастных к литературе лиц, когда была объявлена политическая амнистия. Его торжественно встречала на Брестском вокзале московская интеллигенция.

Уже в первые годы двадцатого столетия Бальмонт серьезно заинтересовал Максима Горького. Живя еще в Нижнем Новгороде, М. Горький вступился в прессе за поэта, подвергавшегося нападкам критики. Горькому нравились бальмонтовские стихи, в частности "Кузнец", "Альбатрос", "Воспоминание о вечере в Амстердаме". Осенью 1901 года в Крыму, в Ялте, Горький и Бальмонт впервые встретились. Вместе с Чеховым они ездили в Гаспру к жившему там Льву Толстому. "Познакомился с Бальмонтом,- сообщал Горький в письме.- Дьявольски интересен и талантлив этот неврастеник! Настраиваю его на демократический лад..." Протестуя против того, чтобы в поэзии "все внимание устремлялось на музыкальность и звучность" в ущерб социальной значимости произведений, Горький писал позднее: "Что такое Бальмонт? Это колокольня высокая и узорчатая, а колокола-то на ней все маленькие... Не пора ли зазвонить в большие?" "Большой, конечно, поэт, но раб слов, опьяняющих его",- говорил Горький о Бальмонте. Горький считал Бальмонта мастером языка и, несомненно, имел его в виду, в числе других поэтов-символистов, когда писал о том, что символисты обогатили литературный язык "массой новых словосочетаний", создали "чудесный стих". Беседы Горького с Бальмонтом не прошли для поэта бесследно. Влияние автора "Песни о Соколе" мы чувствуем в стихотворениях Бальмонта "Человечки" и "В домах" с их яростным антимещанским пафосом. Да и самый мотив Солнца в книгах Бальмонта возник, может быть, не без воздействия горьковского творчества.

Свержение самодержавия в России в феврале 1917 года Бальмонт встретил с энтузиазмом. Однако перспективы революции были ему неясны, основ революционной большевистской программы он не понимал. В переходные месяцы до Октября он тяготеет скорее к силам контрреволюции. Октябрь был воспринят им враждебно. Пролетарская революция показалась ему слишком суровой, разрушительной, подавляющей личность. Вследствие всеобщей разрухи поэту с семьей порой приходится терпеть холод и голод, но работы он не прекращает. Не раз Бальмонт выступал в ту пору и перед большой аудиторией: в день Первого мая 1920 года в Колонном зале Дома Союзов в Москве он читал свое стихотворение "Песнь рабочего молота", на другой день приветствовал стихами артистку М. Н. Ермолову на ее юбилейном вечере в Малом театре. Литераторами было устроено даже чествование Бальмонта, отмечавшее тридцатилетие со дня выхода его первого, "ярославского", поэтического сборника. Однако весной 1920 года Бальмонт попросил у наркома просвещения заграничную творческую командировку и 25 июня вместе с женой Е. К. Цветковской и дочерью Миррой выехал из Москвы. Предполагалось, что Бальмонт проведет за рубежом не больше одного-двух лет, но уже в марте 1921 года он порывает с родиной и переходит на положение эмигранта.

С русской белогвардейской эмиграцией в Париже, где обосновался Бальмонт, настоящего лада у него не было. По сути, не сошелся он и с жившими там русскими писателями, за исключением Куприна. "Изношенные снобы, себялюбцы, слепцы и ничтожество",- отзываясь Бальмонт об эмигрантах. Не нравится ему и общая атмосфера в Западной Европе. Его артистическое чувство возмущено здесь вездесущим господством мамоны и чистогана, приземленного мещанства. Враг урбанизации, он страдает от гнетущего размножения автомашин и гибели живой природы в городах, от обезличенности людских масс. "Никто не читает ничего,- сообщает он в письме в Россию в 1927 году.- Здесь все интересуются спортом и автомобилями. Проклятое время, бессмысленное поколение, как я презираю его. Я чувствую себя приблизительно так же, как последний Перуанский владыка среди наглых испанских пришельцев..."

Его тянет в Россию. Он тоскует по родине, тоскует постоянно. "Я хочу России, я хочу, чтобы в России была преображающая заря. Только этого хочу. Ничего иного. Здесь пусто, пусто. Духа нет в Европе. Он только в мученической России". Такими словами в декабре 1921 года начинается многолетняя серия писем Бальмонта Е. А. Андреевой. "Думаю о России,- пишет он в 1925 году.- О великом счастье слышать везде русскую речь, о том, что я русский, а не гражданин Вселенной и уж меньше всего гражданин старенькой, скучненькой, весьма глуповатой Европы". Прежняя жизнь в России и дальних странствиях ему кажется теперь "лазурной", а нынешнее пребывание на чужбине - "пригнетенным, стесненным, никчемным".

Бальмонт часто живет в большой нужде. Когда приходит лето, он устраивается - для дешевизны - в богом забытых, глухих рыбацких селеньях у моря в Бретани или в Вандее. Слушает "широкие шелесты океанской волны", "переглядывается с синицами". Собирает в лесу хворост на топливо, выращивает цветы, читает Библию и русскую летопись Нестора, "все новые книги о Пушкине".

Я в старой, я в седой Бретани,
Меж рыбаков, что скудны, как и я.
Но им дается рыба в океане,-
Лишь горечь брызг - морская часть моя...

"Как верно, очаровательно сейчас в русском лесу, в русской деревенской глуши. Вот где я бы хотел быть",- признается в письмах Бальмонт, хотя, конечно, была своя прелесть и в природе тех мест, где он поселялся. "Дюнные сосны" - так называется превосходное стихотворение Бальмонта, в котором обо всем этом чудесно рассказано. Там звучит такая тоска по щебету русских птиц, по

голосу кукушки, по желтым солнышкам и белым лунам русских ромашек! За границей Бальмонт увлекся изучением фольклора и культуры Литвы, Польши, Югославии, Болгарии, посещает эти страны, пишет о них. В Болгарии он с волнением ощущает близость родины, "ибо все здесь похоже на Россию,- и благовест, и пашни, и лица, и улыбки, и язык".

Меньше чем за десять лет до кончины, еще не чувствуя приступов болезни, Бальмонт пишет Е. А. Андреевой: "Какой я сейчас? Да все тот же. Новые мои знакомые и даже прежние смеются, когда я говорю, сколько мне лет, и не верят. Вечно любить мечту, мысль и творчество - это вечная молодость... Бородка моя правда беловата, и на висках инея довольно, но все еще волосы вьются, и русые они, а не седые. Мой внешний лик все тот же, но в сердце много грусти".

Поздние стихи Бальмонта обнаженнее, проще, человечнее и доступнее того, что он писал раньше. Они чаще всего о России, и в них яснее проступает та бальмонтовская "славянская позолота", о которой упоминал когда-то Иннокентий Анненский.

Хочу густого духа
Сосны, берез и елей.
Хочу, чтоб пели глухо
Взывания метелей.
Пастух пространств небесных,
О, ветер далей русских,
Как здесь устал я в тесных
Чертах запашек узких.

Особенность Бальмонта - бросать как бы небрежно какие-то вдохновенные, редкостно прекрасные отдельные строки - проявляется теперь даже ярче. А некоторые его стихотворения - те же "Дюнные сосны" или "Русский язык" - можно назвать маленькими шедеврами.

Бальмонт перевел несколько томов П.-Б. Шелли, он переводил Эдгара По, испанских драматургов, древнеиндийскую драму Калидасы "Сакунтала", стихи Уолта Уитмена. Он создал первый полный перевод "Витязя в тигровой шкуре" Шота Руставели, восторженно принятый в Грузии. Но Бальмонт и прозаик: у него имеется немало ярких путевых очерков, художественной и автобиографической прозы. Поздняя его проза читается необыкновенно легко: она чудесно раскована, свободно дышит, полна гибкого языкового движения... "Душевная мощь боярыни Морозовой, широкоплечая сила казачества и необъятная ширь Сибири, где целуется небо с землей..." Эта беглая и тонкая, изобличающая острое внутреннее зрение поэта, характеристика художника Сурикова служит тут неким малым примером. Таков же стиль Бальмонта в его переписке. Можно понять, почему сетовала Марина Цветаева в 1936 году, видя, как пропадают мысли и метафоры Бальмонта, высказанные им в устных беседах. "Если бы сейчас за ним записывали, получила бы одна из прекраснейших его книг".

VI

Поэзия Бальмонта - живое звено истории нашей литературы. Историки литературы не раз писали, что из всех многочисленных книг Бальмонта, оставленных им, можно выбрать и скомпоновать один великолепный сборник. Сам Бальмонт однажды спрашивал: "Но разве было когда-нибудь в человеческой жизни, чтоб не набросал около себя много окарины и праха тот, кто добывал и добыл много золота? Возьмите его золото".

Поэзию Бальмонта необходимо знать, как творчество других мастеров стиха начала двадцатого века - Брюсова, Блока, Андрея Белого, Анны Ахматовой. Ритмы бальмонтовских стихов, их своеобразный язык, их музыкальность оказывали воздействие на развитие и ход русской поэзии. У Бальмонта многое заимствовали не только его собратья-символисты, но и пролетарские поэты предреволюционной поры, а также поэты Пролеткульта, писавшие уже после Октября.

Бальмонт любил славу. Он не раз пускался в большие поездки по стране, выступая с чтением лекций и стихов. Бальмонт говорил, что нет города, где у него не было друзей и ждущих его душ. "Мне радостно видеть размер моей славы и глубину влияния, остроту этого влияния в отдельных сердцах,- писал поэт после турне по России в 1915 году.- Я не напрасно люблю мои строки:

Свита моя - альбатросы морей.

Волны - дорога моя.

Я люблю эти отдельные, отъединенные, тоскующие, влюбленные в Красоту, пронзенные сердца. Для них стоит странствовать".

"Судьба велела мне быть поэтом лирическим",- писал Бальмонт. Как замечательного лирика-романтика поэта и воспринимали читатели в годы расцвета его славы. Сердцевина поэзии Бальмонта - солнечна, оптимистична, оптимистична до конца. Солнечной пряжей называл он свои стихи. Даже свое предстоящее исчезновение на земле он толкует как подъем по Млечному Пути, как уход в беспредельные пространства, где происходит "новых звезд зачатие". В этой бодрой, светлой ноте таится едва ли не главный залог обаяния поэта. "Когда слушаешь Бальмонта, всегда слушаешь весну,- писал Александр Блок.- Он среди душных городов и событий сохранил в душе весну, сохранил для себя и для всякого, кто верил в его певучую волю..."

Сознавая свое отступничество, свою горькую разлуку с родиной, свой внутренний долг перед ней, Бальмонт как завещание оставил такие слова: "Да пошлет Судьба той стране, которая дала мне жизнь, многотравные луга, плодородные нивы, счастливых людей, правдивые дни, несчетные стада коров с тяжелым выменем, звонкие табуны коней, что всегда так красивы были в России..."